

* Театр

О СОБЫТИЯХ НЕВЕРОЯТНЫХ

То, что сегодняшние подростки «все знают, все видят, все слышат» в том числе и многие из того, что вряд ли для их ушей и глаз предназначено, принято к сведению уже довольно давно. И действительно, что тут остается, кроме как «принимать к сведению», если даже самый строгий контролер у входа в кинозал не всегда и заподозрит лохматого аксерагара ростом под прилоном, что он «до шестнадцати». А если говорить о телевидении, то подростки и подавно самая преданная его аудитория. Можно даже не знать выводов социологов — жизнь убеждает в скапанном на каждом шагу.

...Когда один из героев нового спектакля нашего ТЮЗа «Гуманойд в небе мчится» (режиссер Ю. Алдеев) произносит фразу: «Отдыхай, Вася!» — зал взрывается таким гомерическим хохотом, что не остается ни малейшего сомнения: все эти подростки добросовестно посматрели по телевизору фильм-спектакль «Старый новый год».

Так как же, чем же удержать подростка в ТЮЗе, вернее, чем привлечь его сюда — чтобы он не предпочел тот же кинотеатр или сиденье у телевизора, например? Эта проблема достаточно остра. Очень часто, увы, на спектаклях, предназначенных подросткам, можно видеть ребят восьми-девяти лет, реже — «артельных» юношей и девушек, а что касается собственно подростков — то это обычно организованный зритель, то есть прибывший в ТЮЗ классами, школами под руководством педагогов, в «добровольно-принудительно» порядке. Стоит ли удивляться, что и реакция зала бывает неточной, сам зал — рассеянным, а отдача от спектакля — отнюдь не подвешенной. Но можно ли видеть в этом только самих подростков? Можно ли сбрасывать со счетов, что частью и сами спектакли по драматургии, сценическому решению не в состо-

янии понастоящему увлечь юного человека?

На первых же представлениях «Гуманойда...» стало абсолютно ясно: зал нашел «свой» спектакль и — хочется верить! — спектакль нашел «своего» зрителя.

А. Хмелик написал пьесу, обозначив ее жанр «шуткой», о том, как один из школьных подростков по имени Вася Лопотухин вступил в контакт с инопланетянами и что из этого вышло. Однако пришед пьесы далеко не шутейный: А. Хмелик за то, чтобы человек с самых ранних лет мог мыслить бесстрашно, чтобы не притучался делать это с «оглядкой» на какие бы то ни было, даже самые «веские» обстоятельства.

Это верно пьесы присутствует в ней отнюдь не в декларативной форме — на то А. Хмелик и мастер — но даже мастеру, думается, изменило... Трудно тут подобрать слово: чутье, мера — скорее, именно мера — когда он работал над финалом пьесы. В ней наблюдается явный дуализм: если вся пьеса точно и ярко выстроена на «подростков», то финал, где мы видим «приспособившегося», отступившего Васю Лопотухина, безусловно адресован уже взрослому зрителю.

Наш ТЮЗ изменил последнюю, решающую реплику героя. У нас она звучит со сцены именно так, как жандея этого замерший в напряжении зал, и зрители таким школьным аллодисменгов, такой бурей чувств приветствуют Васину стойкость, что обычная в подобной ситуации мысль о «насилнии над драматургией», о «слаживании проблем» даже не возникает.

Нет, острота проблемы не снята. Именно конкретный исход конкретной ситуации, и, думается, именно педагогически и психологически правомерно. Выстраивая вслед за драматургом спектакль на подростков, театр точно ушел жажду этого возраста в положительном примере. Автору этих строк, кста-

ти говоря, довелось видеть спектакль, поставленный по той же пьесе гастролировавшим у нас Горьковским ТЮЗОм. Там финал был иным, и реакция зала тоже была иной — разочарованной, неудовлетворенной. Иным был и один из центральных «взрослых» образов — директор школы, Горьковчане трактовали его как эдакого издерганного неврастеника. В нашем спектакле директор (заслуженный артист РСФСР И. Задерей) — просто увлекательный человек, отнюдь не обремененный «комплексом», по натуре своей добродушный и открытый. Да, он уговаривает Васю Лопотухина (студент театрального училища С. Гамов) пойти на «разумный» компромисс (кстати, эта сцена пока еще выглядит в спектакле психологически приложимой). Но с каким душевным облегчением, с какой гордостью он смотрит на Васю, когда тот компромисс этот в финале отвергает...

Заслуживает доброго слова работа в этом спектакле А. Вихулина (Павлов) и А. Низовцева (Петров). Их герои с светливой надористостью одного и ленивой безмятежностью другого на самом деле как две стороны одной и той же медали. Ибо в сути их характеров — душевная аморфность. Именно повелю Шафировой (актриса Т. Ахметова). Здесь преобладают экзальтация и взыскания возбужденности, что не выявляет, а затеняет смысл образа. Ведь он — в «оборочном» организмом Ибриития Шафировой неправды, полуправды. В трактовке роли гораздо уместнее были бы, думается, не возбужденные «настроения», а спокойная самоулюбленность.

Вновь интересная работа у В. Кабалана (дядя Коля). Этот актер еще раз продемонстрировал большие возможности в создании на сцене острого характера, редкую пластическую выразительность и немалую зрительскую наблюдательность.

В общем, спектакль пока еще не являет собой примера продуманности и завершенности во всех звеньях. Условное оформление (художник И. Прокопьев), лишь обозначающее действие (примеч. к сожалению, слишком частый в спектаклях на современную тему), доведено здесь до степени крайнего аскетизма. Этот аскетизм мог бы «играть» в контрасте с теми «чуждесами», что должны являться по ходу сюжета пьесы, но, увы, чуждеса эти тоже выглядят в спектакле довольно заурядно. Правда, во многом скрапывают сценический пейзаж две живые собаки, необходимые по сюжету. Они, к тому же, прекрасно смотрятся и увлечены не ведут себя маленькие роли, чем заслуживают шумное одобрение зала.

В общем, спектакль развлекает? Конечно. Но, развлекая, он и увлекает ребят своей острой проблематикой, он ведет за собой, как веселый и умный вожак. А как раз этого — повторим еще раз — часто не хватает спектаклям, адресованным подросткам.

Н. ЗЕНОВА.

На снимках: в сценах из спектакля (вверху) — актеры С. ГАМОВ, В. КАБАЛАН и И. ЗАДРЕЙ; внизу — А. ВИХУЛИН, Л. АХМЕТОВА, А. НИЗОВЦЕВ.

Фото И. Пашкевича.

